

восходят к павликанской версии мессианизма, которая оказала большое влияние на апоретику деконструктивизма.

Этот нюанс имеет значение не только для более глубокой интерпретации наследия Павла, но и для понимания новых тенденций в философии религии XX века. Деррида, с одной стороны, продолжает классическую традицию прочтения павликанских текстов (идушую от Августина до Бульмана и Алтицера), а с другой стороны, частично выходит за ее рамки.

Вавжыняк О.¹

Перцепция духовных ценностей и идеи Бога против понимания свободы в творчестве Льва Н. Толстого

Основой, на которой Лев Н. Толстой построил свои религиозные размышления, было убеждение в том, что любая настоящая религия, а христианство в особенности, дает возможность единственного в своем роде и неповторимого опыта сближения двух реальностей: земной и сверхъестественной.

Замечаемый человеком материальный мир символически отражает мир невидимый. В частности, это проявляется в жизни природы, но равно и во внутренней жизни человека. Примером вышесказанному является творчество Льва Н. Толстого, где герои романов исключительно на религиозной почве приобщаются к связям между двумя реальностями. Это имеет отношение к восприятию этих реальностей человеком, а также к вытекающей отсюда моральной ответственности. Свобода же и личная автономия человека всегда достигаются в столкновении с выбором высших ценностей. Лев Н. Толстой именно так видит перспективу развития и обретения смысла жизни. Свобода для писателя – это непрекращающийся поиск моральных ценностей и идеи Бога.

1. Влияние духовной интуиции на восприятие идеи Бога.

Говоря о религиозной интуиции Льва Н. Толстого и её влиянии на восприятие им Бога, необходимо сказать и о творческой диалектике писателя. Толстой воспринимал религиозную идею как обязательство верить. И если религиозный призыв, понимаемый как поиск, принимался им легко, то трактовка религии в категориях веры, а особенно „принуждения” к ней, составляла для него сложность, ибо из-за своего четко обозначенного чувства автономии и не теряющей стеснения свободы, писатель не был в состоянии принять такой „принудительный” подход к занимавшим его вопросам.

Связанные с христианством идеи Толстого основывались на том, что лишь непринуждённое отношение к христианским принципам помещает человека в ряд свободных существ. Своё же отношение к Богу писатель определял как открытое и проникнутое живым вдохновением. Существование духовной интуиции, как кажется, не противоречит характеру человеческого познания. В личностных переживаниях все человеческие акты играют принципиальную роль, и это касается как области

¹ *Вавжыняк Ольга (Olga Wawrzyniak)* [olga.wawrzyniak@amu.edu.pl] – кандидат теологических наук, библиотекарь Университетской библиотеки им. А. Мицкевича в Познани (Познань, Польша) – *прим. ред.*

познания, так областей воли и чувств.² Таким образом интуиция играет важную роль в процессе познания действительности. И именно это утверждение для Льва Н. Толстого стало базой в его поисках.

Кроме того, психологическая перспектива подсказывает, что человеческому поведению присуща ориентация на определенную цель (понятие интенциональности). Любому человеку хочет видеть цель своих действий. Среди всех личностных переживаний интенциональные переживания играют самую важную роль и имеют явно духовный характер. В интенциональных переживаниях, а значит и в тех, главной осью которых является духовная интуиция, всегда присутствует „личностный субъект, живущий в себе и для себя в актах сознания, воли и чувств. Благодаря этим актам, личностный субъект открывается на мир смысла вне себя, выходит от себя к предметам вне себя.”³

Интуиция несомненно является тем внутренним стимулом, который побуждает человека к выходу за пределы самого себя в сторону высших ценностей. Таким образом, мы говорим о интуиции, как о человеческой силе, связанной с его же природой. Благодаря интуиции, человек зачастую в символе или знаке получает некое сообщение, увлекающее его к неземной реальности. Жизненная дилемма Толстого заключалась, между прочим, в интуитивном поиске Бога, который в религиозности писателя несомненно играл центральную роль. Стимулом же так заявленной иерархии была для писателя его необыкновенная духовная интуиция и чуткость к проявлениям божественного на земле. Религиозная сфера не исчерпывает, однако, пространства человеческого опыта и его действий, формируемых верой в Христа. Отношение к Богу не ограничивается поклонением в рамках разных форм культа. Бог „говорит” также в символах. Слово Бога, направленное к человеку и выраженное на языке знаков и символов, требует активации именно интуиции со стороны человека и в самом же человеке. Знаки и символы ёмки сами по себе, но они всегда также сохраняют перспективу не до конца сообщаемой тайны.⁴ Прикоснуться к этой тайне и пытаются с помощью интуиции.

Духовная интуиция Льва Н. Толстого выражалась также в его размышлениях о существовании Бога, например, на большинстве страниц религиозного памфлета „Исповедь”. Тем не менее писатель далек был от навязывания собственного образа философии религии и веры в Бога другим, также по той причине, что полностью отдавал себе отчет в сопровождающих человеческую жизнь парадоксах, противоречиях и крайностях. Он смотрел на реальность человеческого мира как на контрастную, с постоянным противопоставлением святости и греховности. Наведение же между ними мостов возможно лишь благодаря правильно освоенному религиозному пространству, в чем особая роль отведена человеку, и пренебрегать ею последнему нельзя во имя сознательной поддержки религиозной интуиции.⁵

² Ср. Siemianowski A., *Człowiek a świat wartości*, Gniezno 1993, с. 96.

³ Там же, с. 94 [собственный перевод].

⁴ Ср. Камыkowski Ł., *Dlaczego Chrystus? Dlaczego Kościół?*, Kraków 1992, с. 21.

⁵ Ср. Wawrzyniak O., *Egzystencjalna autonomia człowieka a świat wartości duchowych według Lwa Tolstoja*, Poznań 2014, с. 21 [диссертация на соискание учёной

2. Изложение проблемы отношения писателя к категории Истины.

Трансцендентное понимание человеческой жизни как странствования, в результате приводящего к открытию Бесконечной Истины, определяло смысл, приписываемый Толстым собственной жизни. Предпринимая попытки реализации своего жизненного призвания открывать эту Истину, писатель не уходил от проблематики собственной экзистенции и собственной автономии. Сообщая смысл своим действиям и своей духовно-интеллектуальной активности в поисках Истины, Толстой не был свободен от всего, что составляло драматизм его жизни и сложный комплекс характеристик его личности. Почти всю свою жизнь он вел внутренний спор об Истине, который стал движущей силой его существования. Цена этого спора – быть или не быть вере в Бога. Успешность же признания агностицизма как некоего третьего, компромиссного, выхода на приемлемую жизненную позицию была обречена на неудачу, ибо вопрос существования или отсутствия Бога был настолько фундаментальным и неотложным, что сводил писателя с ума и превращал его жизнь в трагедию.

Интересуясь широким религиозным контекстом и изучая различные религиозные направления, Толстой пришел к выводу, что во всех религиях, включая и христианство, этическая доктрина развита одинаково. По мнению писателя, любая религия проповедует, как жить, и объясняет, почему именно так. Но изучение доктрин не привело к окончательному решению вопроса объективной истины, которую писатель впоследствии искал всю свою жизнь.⁶ Тем не менее поиски в рамках религиозных доктрин не остались без влияния на процесс открывания смысла жизни и глубины размышлений писателя. Истина для Толстого имела фундаментальное значение как в сфере земной, так и сверхъестественной. Описывая в своём творчестве явления и процессы этого мира, писатель не останавливал своего взгляда на них одних, но шёл глубже, стремясь к контакту с бесконечностью⁷, ибо человек, не осознающий цели своего существования, то бишь своего конечного предназначения, существует в безвыходном погружении в бессмыслицу одной, материальной, реальности.⁸

Из творчества Льва Н. Толстого пробивается убеждение, что земная жизнь – это часть иной жизни, что детерминирует непрекращающиеся изменения форм нашего существования и „иной” подход к ним. Субъективное „я” тождественно нашему личностному существованию во всей его полноте, что позволяет человеку ощущать вечность. Толстой в своих размышлениях опирается на собственную остротную интуицию. Николай Бердяев отмечает, что такая выдающаяся трактовка реальности обнаруживает гения и выносит Толстого как художника над самим Фёдором М. Достоевским.⁹ Разница между обеими корифеями литерату-

степени кандидата теологических наук; доступ в Библиотеке теологического факультета Университета им. Адама Мицкевича в г. Познань, Польша].

⁶ Ср. там же, – с. 37.

⁷ Ср. Baran В., *Tolstoja filozofia życia* [в:] Tolstoj L., *O życiu*, перевод Kunicka А., Warszawa 2013, с. 10–12.

⁸ Ср. Wawrzyniak О., ук. соч., с. 39.

⁹ Ср. Бердяев Н.А., *Мирозозерцание Достоевского*, Москва 2006, [ebook, pdf А4] с. 8.; См. также: Н. Бердяев, *Мирозозерцание Достоевского. Главы из книги*.

ры также в том, что Толстой более сосредоточен на земной жизни, глубоко вникая в её нюансы, в то время как Достоевскому ближе рассуждения о грядущем.¹⁰

Лев Н. Толстой в своем творчестве стремился показать, что мир, в котором мы живём, находится в обоюдной связи с Богом. Для этого больше опирался на свой личный опыт и внутреннюю религиозную интуицию. Писатель горячо ратовал за узнавание себя, то бишь за принятие правды собственной субъективности, даже при её ограниченности и неполноте. Самую большую опасность писатель видел не столько в отрицании христианских догм вплоть до сомнений насчет Воскресения Христа, сколько в преступлении против Божьих заповедей. Потому что в итоге это означает перешагивание через правду своей совести – вышестоящую правду. Кроме того, человек не в состоянии подавить правду своего пути, своего направления. И это утверждение остается актуальным вне меняющихся времён и поколений.

3. Коллизия Толстого заключающаяся, с одной стороны, в стремлении к полной свободе и нестеснённой свободе воли, и, с другой, в сильном предчувствии существования вневременной реальности и вытекающей оттуда моральной ответственности.

Человек, существующий в условиях постоянного поиска того, что могло бы заполнить пустоту, изображён Львом Н. Толстым в реалистической манере. Писатель представляет духовное состояние человека как оно есть на самом деле – как подверженное перманентной неуверенности, что, в свою очередь, свидетельствует о высшем способе существования последнего на земле.¹¹ Как заметил Максим Горький, такая постановка вопроса, скорее всего, была связана с безграничной сложностью Толстого как личности среди всех великих людей XX века.¹²

Немаловажной составляющей личных стремлений Толстого было обращение к общим этическим нормам, выражавшим его внутреннюю чуткость и влиявшим на качество его творчества. Основываясь на событиях, изображённых в романе „Воскресение”, мы можем ознакомиться с мировоззрением Льва Н. Толстого, ибо идею создания романа, а также всех событий в нем, нельзя приписывать лишь художественному вымыслу. В данном творчестве мы имеем дело также с выражением внутренней борьбы самого писателя.

Лев Н. Толстой считал, что проживать свою жизнь человек должен самостоятельно и в согласии с принятыми им этическими категориями, а также должен нести ответственность за свой выбор. Писателю присуще было своеобразное и утончённое понимание общей идеи христианства и веры, из которого следовало сочувствие в отношении страдающих людей и животных. В человеческих действиях Толстой усматривал возможность реализации добра на земле. Зло имеет начало в самом человеке, и лишь

Вступительная заметка и публикация С. Белова, [в:] «Волга», Саратов 1988, № 10, с. 150.

¹⁰ Ср. там же.

¹¹ Ср. Wawrzyniak O., ук. соч., с. 74.

¹² Ср. там же.

попытки добросовестной борьбы со своими ограничениями ведут к моральному совершенствованию. Однако вера, любовь и встреча с самой собой на пути действий и моральной ответственности должны стать фундаментом именно личного выбора.¹³

Создавая свои тексты и описывая человеческие поступки, любой из них Толстой воспринимал отдельно, ибо каждое падение человека сугубо лично. Например, иногда он показывает грех в ярком свете, осуждая при этом особенно ложь, а также клеймя любое насилие, в том числе и психическое. В данном случае примером может послужить главный герой рассказа „Алёша Горшок”. В другой же раз, согласно правилу: „не противиться злу насилием”¹⁴, писатель призывает не отвечать на человеческую жестокость жестокостью. Человек не вправе отвечать злом на зло, ибо только единый Бог может судить каждого. Это свидетельствует о признании Толстым Божьего вмешательства в действия людей. Только Он имеет возможность справедливо судить, наказывать и поощрять¹⁵. Разные критики по-разному толковали вышеприведенное правило, однако в 1907 году сам автор высказался о том, как он понимает его смысл. Писатель сказал тогда: „Я выбрал этот девиз, чтобы высказать мысль о том, что последствием любого зла, совершаемого человеком является великое горе, идущее не от людей, а от Бога, и это испытала на себе Анна Каренина. Да, я припоминаю, что именно это я и хотел сказать.”¹⁶

Роман „Анна Каренина” и является ярким примером вышеупомянутой позиции писателя, и говоря о моральной ответственности человека за свои действия, нельзя о нём умолчать. Главная героиня воплощается в своих действиях, и в этом случае это самоубийство. Писатель выбирает для романа девиз из Послания к Римлянам святого апостола Павла: „*мне отмщение, аз воздам, глаголет Господь*”. Писатель защищает женщину от человеческого суда. Неслучайно он выбирает эти слова. Толстой показывает таким образом высшую роль Бога и тот факт, что суд над человеком принадлежит исключительно Ему. То, что была выбрана именно эта мысль свидетельствует о глубокой вере Толстого в Бога, уважении к Божьей реальности и глубоком убеждении в том, что человек не должен узурпировать себе право судить своего ближнего, ибо только Бог может судить справедливо.

Толстой как художник и особо чуткий человек восхищался реальностью окружающей его природы и жизни как таковой. В природе и вообще в сотворённом мире он видел символические проявления совершенного Творца. Большое впечатление производила на него вера простого народа. Но когда он слушал учёных, ему казалось, что он находится в царстве тьмы. Глубина его мысли привлекает и вдохновляет поколения, несмотря на то, что этические и метафизические размышления писателя не свободны от многочисленных противоречий. Возможно, поэтому одобрение и

¹³ Ср. там же.

¹⁴ Ср. Асмус В.Ф., *Мировоззрение Толстого*, <http://tolstoy.lit-info.ru/tolstoy/public/asmus-mirovozzrenie-tolstogo/iv-kritika-nasiliya-i-uchenie-o-neprotivlenii-zlu-nasiliem-anarhizm.htm> [10.03.17.].

¹⁵ Ср. Semczuk A., *Lew Tolstoj*, Warszawa 1987, с. 222.

¹⁶ Цит. по: *Literatura rosyjska w zarysie*, под ред. Barański Z., Semczuk A., Warszawa 1976, с. 563 [собственный перевод].

внедрение христианских принципов не было для него очевидным. Но не было и безразличным. Писатель понимал и уважал религиозное послание своих предков и своей среды, тем не менее заострённый рационализм неоднократно препятствовал в обретении согласия между религией и разумом. Толстой считал, что жизненным принципом любого человека должно быть стремление к уважению ближнего. Этому полному противоречий творчеству присуща необыкновенность и неповторимость гения, а также понимание религии как вдохновения для людей, ищущих Бога и смысл в жизни.

Полякова С.В.¹

**Феномен «бедной веры» в русском постсекулярном мире:
к попытке картографии**

*Все атеисты не ходят в церковь.
Но не все из тех, кто не ходит в церковь,
являются настоящими атеистами.*

Дэнни Кейс

В любом из известных нам за последние 100 тысяч лет человеческой истории обществ так или иначе существовала религия. Это положение дел, утверждаемое еще античными авторами в качестве основания так называемого исторического доказательства бытия Бога, и сегодня наводит нас на мысль о том, что вера в сверхъестественное является одной из фундаментальных характеристик человеческого как такового. Эта мысль может быть подкреплена простым рассуждением. Если предположить, как это, по обыкновению, утверждают атеисты, что всеобщность религии в истории порождается банальным невежеством, что Бог веры – это только «Бог пробелов»², то количество верующих в XXI веке, веке, полном потрясающих научных открытий и технических изобретений, должно было стремительно уменьшиться или вовсе сойти на нет. Однако статистика показывает, что, в целом, верующих не становится меньше. Более того, – и здесь я сошлюсь на слова Барри Космин, социолога, директора Института исследований секуляризма в Тринити-колледже в Хартфорде, который не устает повторять, что сегодня в мире число верующих или называющих себя таковыми значительно превосходит количество атеистов, и что религия – это норма³.

Однако, если число верующих остается более или менее постоянным, само понятие веры сегодня претерпевает значительные изменения. Авторитетные исследования последних трех десятилетий статистически выявили, что на исторической сцене возник новый духовно-куль-

¹ *Полякова Светлана Викторовна* [svetpolyakova@gmail.com] – кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия) – *прим. ред.*

² Термин *God of the gaps* введен христианским проповедником XIX века Генри Драммондом на одной из его лекций о развитии человека. Так он критиковал христиан, доказывавших существование Бога с помощью феноменов, которые наука не может объяснить, то есть заполнявших пробелы в знании Богом.

³ См. Kosmin, B.A., and Ariela Keysar, *Religion in a Free Market: Religious and Non-Religious Americans*. Ithaca, NY: Paramount Books, 2006.